

Не можем мы, говорят, воевать, отведи нас в другое место: добро бы война была, а это что — как кисель резать. Не можем больше тут воевать.

Рассердился тараканский царь, велел солдатам по всему царству пройти, разорить деревни, дома, хлеб скеч, скотину перебить. „Не послушаете, говорит, моего приказа, всех, говорит, вас расказню“.

Испугались солдаты, начали по царскому указу делать. Стали дома, хлеб жеч, скотину бить. Все не оброняются дураки, только плачут. Плачут старики, плачут старухи, плачут малые ребята. — За что, говорят, вы нас обижаете? Зачем, говорят, вы добро дуром губите? Коли вам нужно, вы лучше себе берите.

Гнусно стало солдатам. Не пошли дальше, и все войско разбежалось“.

Конечно, в этой сказке указан самый счастливый оборот для непротивленцев-дураков. Их царство лишь несколько поопустошили, но не завоевали, не присоединили к царству тараканскому. Случилось это потому, что у тараканских солдат проснулась совесть: им сначала сделалось „скучно“, что им никто не оказал сопротивления, а потом и совсем „гнусно“ обижать беззащитных людей и „дуром губить“ их добро. И они разбежались.

В моем распоряжении находится ненапечатанная статья одного из последовательных и убежденных сторонников идей, провозглашавшихся Львом Николаевичем. По поводу только что приведенной мною сказки Толстого автор этой статьи говорит следующее: „Предположим самое худшее, что можно допустить только в воображении. Предположим, что вражеское войско будет до такой степени одурено военной правкой, что по при-